

«Записки» А. С. Стурдзы, послужившей толчком для ограничения академических свобод в университетах Германии и преследований «демагогов».⁴⁰

Для Александра Ивановича, однако, «демагогические разговоры» с Шеллингом оказались все же значимыми: уже расставшись с Шеллингом, за несколько дней перед выездом из Карлсбада, он составил список книг, которые намеревался купить во Франкфурте-на-Майне, и включил в него принятый в 1815 году Основополагающий договор Германского союза (Bundesakte), дополненный «Карлсбадскими постановлениями» в 1819 году, собираясь изучить эти важные для понимания становления конституционализма в Германии и оценки текущей политической жизни документы.⁴¹ Здесь же он отметил труды, которые планировал перечитать. Открывается этот перечень именами историка А. Г. Л. Геерена (Arnold Ludwig Heeren, 1760–1842) и философа Я. Ф. Фриза (Jakob Friedrich Fries, 1773–1843), представивших две крайние точки зрения на Германский союз и послевоенное устройство немецких земель. Первый из них, профессор истории Гёттингенского университета, стоял на охранительно-консервативных позициях и приветствовал создание союза, обосновав его «пользу» в работе «Германский союз в его отношении к европейской государственной системе» («Der Deutsche Bund in seinen Verhältnissen zu dem europäischen Staatensystem», 1816), второй считался давним оппонентом Шеллинга, а также идеологом «демагогического движения», за что был отстранен в 1818 году от преподавания в Йенском университете по решению Центральной следственной комиссии в Майнце; в 1816 году он выпустил в свет работу «О Германском союзе и Германской конституции» («Von Deutschem Bund und Deutscher Staatsverfassung») с критикой идеи союза в том виде, как он был утвержден Венским конгрессом. Именно эти сочинения вошли в список А. И. Тургенева, который, покидая Карлсбад, записал в дневнике: «Отсюда, т. е. из Карлсбада (1819), распространился мрак на университеты»,⁴² — замечание, явно навеянное беседами с Шеллингом, благодаря которому А. И. Тургенев увидел курортный Карлсбад в новой для себя перспективе — как город, где была решена политическая судьба современной ему Германии.

⁴⁰ См.: «Письмо к барону де Мериану» о состоянии умов в Германии» С. И. Тургенева (Материалы к истории русско-европейской политической жизни 1810-х годов) / Публ., вступ. статья и пер. с фр. Е. О. Ларионовой; прим. М. Ю. Кореновой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). М., 2019. С. 212–275.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 60.

⁴² Там же. Л. 61.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-99-102

© Л. А. Трахтенберг

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «ЛЕЩИ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОЧНИК

«Лещи» — одна из поздних басен И. А. Крылова. Созданная, вероятно, в 1829 году, она была впервые опубликована в издании «Басен Ивана Крылова» 1830 года, где вошла в VIII книгу под номером XX.¹ Благодаря сохранившимся рукописям история работы автора над текстом хорошо документирована,² однако источник сюжета

¹ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни / Изд. подг. А. П. Могиланский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. С. 532 (сер. «Литературные памятники»).

² Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И. А. Крылова. СПб., 1878. С. 241; Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 532–533.

оставался неизвестным. Представляется, что этим источником могла быть басня Ж.-Ж. Буазара «Щуки».

Ж.-Ж. Буазар (1743–1831,³ по другим данным 1744–1833⁴) — французский баснописец, в свое время известный. Он начал публиковать басни с 1769 года.⁵ В 1773 году Буазар издал первый сборник, включавший 120 басен, о котором сочувственно отзывались Ф. М. Гримм⁶ и Вольтер.⁷ В дальнейшем выходили дополненные издания; в 1806 году Буазар выпустил книгу «Тысяча и одна басня».

Басня «Щуки» («Les Brochets») помещена уже в издании 1773 года.⁸ Кроме сборников Буазара, она была включена во «Французскую антологию»,⁹ которая была популярна в России: ее знал, в частности, Пушкин;¹⁰ М. А. Яковлев в предисловии к составленному им «Опыту русской анфологии» назвал ее как образец.¹¹ Крылов мог познакомиться с басней как по одному из сборников Буазара, так и по антологии.

Ситуация, обрисованная в басне Буазара, проста. Какой-то князь («un Prince») хвастается, что в его пруду много щук. Иностранец удивляется: ведь щуки съедают всех мелких рыб. Один из слуг отвечает на это: «Но разве щук мы не едим?»

Эти элементы есть и в басне Крылова. В ней барин пускает щук в пруд с лещами, а на вопрос друга о том, что станет с лещами, отвечает: «С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»¹²

Крылов сохраняет не только сюжетную основу, но и композицию источника: ситуация вводится в повествовательной форме, а ее истолкование дается в диалоге персонажей. Объем диалога минимален: в нем две реплики — вопрос и ответ. Ответная реплика в обоих случаях завершается риторическим вопросом, который занимает последний стих басни и выступает как неожиданное разрешение заданной в начале текста загадки — пуант. Ни в той, ни в другой басне нет морали как таковой. Заключительный риторический вопрос не содержит прямого нравоучения, не выражает идею эксплицитно, а намекает на нее.

Эти совпадения едва ли случайны. Они дают основания предполагать, что Крылов знал басню французского автора и использовал ее, создавая свою. Однако басня «Лещи» — не перевод. Между баснями Крылова и Буазара есть существенные различия — как в форме, так и в содержании.

Прежде всего, различны системы образов. Крылов сокращает число персонажей-людей. Если у французского баснописца их трое, то у русского — лишь двое: князю и слуге соответствует одно действующее лицо — барин, владелец пруда, который сам

³ A-t [Audiffret H.]. Boisard // Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Nouvelle éd. / Sous la direction de M. Michaud. Paris, 1843. Т. 4. P. 574–575; Faber J.-P. Boisard // Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours... / Sous la direction de M. le Dr. Hoefer. Paris, 1853. Т. 6. Col. 428–429.

⁴ Manuel du bibliographe normand, ou Dictionnaire bibliographique et historique... / Par É. Frère. Rouen, 1858. Т. 1. P. 120.

⁵ A-t [Audiffret H.]. Boisard. P. 574; Faber J.-P. Boisard. Col. 428.

⁶ Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle éd. Paris, 1830. Т. 8. 1772–1776. P. 179–181.

⁷ Voltaire. Œuvres complètes. Nouvelle éd.: [En 50 t.]. Paris, 1882. Т. 48. Correspondance. Т. XVI. Années 1772–1774. № 8452–9091. P. 354. № 8818 (письмо к Д. Дидро).

⁸ Boisard [J.-J.]. Fables. Paris, 1773. P. 187 (livre IV, fable XXII).

⁹ Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Paris, 1816. Т. 2. P. 213.

¹⁰ Томашевский Б. В. Источники стихотворений «Все мое — сказало злато» и «Глухой глухого звал» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28. С. 58–59; Щеголев П. Е. Пушкинское // Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 350.

¹¹ Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологии и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым; изд. И. Слениным. СПб., 1828. С. III.

¹² Крылов И. А. Басни. С. 237.

дает ответ на вопрос своего друга, замещающего иностранца из басни-источника. Кроме того, у Буазара упоминаются другие рыбы — не лещ, а линь и пескаррь.

Оба произведения невелики по объему, но текст Крылова больше. В басне Буазара лишь восемь стихов, в басне Крылова — шестнадцать. Впрочем, среди них есть сверхкороткие (двустопный и одноstopный), типичные для вольного ямба русских басен;¹³ в вольном стихе басни Буазара самые короткие строки — восьмисложники.

Различие в объеме объясняется прежде всего тем, что у Крылова появляется вступительная часть, которой нет у Буазара. Басня «Лещи» открывается описательным вступлением. По рукописям видно, что над этим вступлением Крылов работал, добиваясь точного стилистического эффекта. Например, он отказался от черного варианта «В прозрачной как хрусталь воде»¹⁴ в пользу другого — «В прекрасной ключевой воде».¹⁵ Зачеркнув вариант «Их дни щастливые под голову катились», он остановился на таком: «И золотые дни, казалось им, катились». «Золотые дни» — поэтический фразеологизм, причем исключительно важный: в XVIII столетии, обычно в неполногласной форме — «златые дни», он был одним из центральных элементов, образовавших семантическое поле *золотого века* — ключевой культурной мифологемы.¹⁶

В первых стихах басни Крылов разрабатывает тему благополучия. Однако затем положение меняется; контраст двух ситуаций подчеркивает перебой ритма — единственная в басне одноstopная строка, помещенная между двух шестистопных: «Как вдруг / К ним барин напустить велел с полсотни щук».¹⁷

Вступительная часть басни у Буазара статична: в ней, собственно, нет событий, есть лишь ситуация, на первый взгляд кажущаяся непонятной и требующая объяснения. Крылов же, развивая вступительную часть текста, вносит в нее динамику.

Кроме того, Крылов вносит в характеристику лещей черты антропоморфизма. Этой цели также служат те образы, которые он подбирает в ходе работы над текстом: и мотив *золотых дней*, и эпитет «прекрасный», изображающий положение дел как бы с точки зрения лещей. Антропоморфные характеристики персонажей-животных в жанре басни совершенно обычны, но басня Буазара принадлежит к числу тех, где этого приема нет. Крылов же парадоксально соединяет в одном тексте персонажей-людей и персонажей-животных, которым придаются антропоморфные черты, — прием, которым он пользуется нередко.

Расширению вступительной части соответствует и различие названий: «Щуки» — у Буазара, «Лещи» — у Крылова. В автографе Крылова зафиксировано название «Лещи и Щуки»,¹⁸ но поэт отбросил этот вариант, предпочтя иной — однословный. Слово «лещи» не только вынесено в заглавие, но и завершает последний стих басни, таким образом замыкая ее в кольцо.

Все эти изменения — проявления общей тенденции. По сравнению с французским источником в басне Крылова смещается фокус внимания; при сохранении сюжетной канвы меняется соотношение образов и тем. В обеих баснях есть персонажи-люди и персонажи-рыбы. У Буазара в центре внимания — люди, и в первую очередь князь. Для Крылова же важен и образ лещей, которых барин отдает в жертву щукам.

¹³ Тимофеев Л. И. Вольный стих XVIII века // *Ars poetica*: Сб. статей / Под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо. М., 1928. Вып. 2. Стих и проза. С. 107 след.; Штокмар М. П. Вольный стих XIX века // Там же. С. 122 след.; Матяш С. А. 1) Басенный и драматический вольный ямб (к проблеме генезиса стиха комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») // *Русская литература*. 1984. № 1. С. 183; 2) Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. С. 162–167.

¹⁴ Могиланский А. П. Комментарии. С. 532.

¹⁵ Крылов И. А. Басни. С. 237.

¹⁶ См.: Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск, 2006. С. 60 след.

¹⁷ Крылов И. А. Басни. С. 237.

¹⁸ Степанов Н. Л. <Примечания> // Крылов И. А. Полн. собр. соч.: [В 3 т.] / Под ред. Демьяна Бедного. М., 1946. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / Ред. Д. Д. Благого; подг. текста и прим. Н. Л. Степанова (басни), Г. А. Гуковского (стихотворения), С. М. Бабинцева (письма). С. 509.

Басня Буазара — пример юмора, а не сатиры. По структуре она близка анекдотам об остроумном ответе; ее интерес — в заключительном пуанте. Пуант сохранен и у Крылова, но благодаря изменению структуры текста в нем выражается новое содержание.

В басне Крылова можно усматривать сатирический смысл. Крылов направляет басню против угнетателей, выражая сочувствие угнетенным. Комментаторы предполагали, что басня «Леши» относится к положению крепостных, как и басня «Рыбьи пляски».¹⁹ Как свидетельство в пользу этой интерпретации можно рассматривать черновик, где читается такая строка: «И барской милостью хвалясь они резвились».²⁰ Крылов вычеркнул этот стих, но слова «барин» и «боярин» в окончательном тексте остались. Применение традиционных басенных сюжетов к конкретно-историческому положению — обычный для Крылова прием, и читатели ждали от него аллюзий на современность:²¹ в частности, басня «Рыбьи пляски» также варьирует известный мотив — в данном случае из басни Эзопа «Рыбак»²² (сюжет № 11 по указателю Б. Э. Перри²³). Но возможно, идея басни не сводится к обличению крепостного права: допуская различные толкования, аллегория придает ее сатирическому содержанию универсальный характер.

Таким образом, басня «Леши» — пример трансформации зарубежного источника. Ее основой служит басня Буазара «Щуки». Однако если стиль Буазара отмечен лапидарностью, простотой, то Крылов дополняет басню ярким описательным вступлением. На смену статической ситуации приходит динамика сюжета. Образ жертвы, почти незаметный в басне Буазара, у Крылова выходит на первый план. Не ограничиваясь юмористическим эффектом финала, Крылов придает басне сатирический смысл.

¹⁹ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 533; Степанов Н. Басни Крылова. М., 1969. С. 44.

²⁰ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 532.

²¹ Гордин М. А. Крылов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 181.

²² Падучева Е. В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9. С. 54 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 422).

²³ Babrius, Phaedrus. Fables / Ed. and transl. by B. E. Perry. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2014. P. 423 (Loeb Classical Library; № 436).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-102-112

© А. А. Панченко

О КАКИХ ДУХОБОРЦАХ ПИСАЛ А. И. ГЕРЦЕН В «БЫЛОМ И ДУМАХ»?

В четвертой части «Былого и дум», вспоминая о своей жизни в Новгороде в 1841–1842 годах, Герцен пишет: «В Новгородской губернии в царствование Екатерины было много духоборцев.¹ Их начальник, старый ямской голова, чуть ли не в Зайцеве, пользовался огромным почетом. Когда Павел ехал короноваться в Москву, он велел позвать к себе старика — вероятно, с целью обратить его. Духоборцы, как квекеры, не снимают шапки — с покрытой головой взмошел седой старец к гатчинскому императору. Этого он вынести не мог. Мелкая и щепетильная обидчивость особенно поразительна в Павле и во всех его сыновьях, кроме Александра; имея в руках дикую власть, они не имеют

¹ Духоборцев ли, я не уверен (прим. А. И. Герцена).